

До слуха долетели птичьи трели, которые приятно разливались в рассветных лучах. Находясь в этой древней эпохе, Фэн Мин очень радовался тому, что девственная природа ещё не пала жертвой человеческой жадности, и, по крайней мере, он довольно часто тонул в трогательном пении птиц и благоухании цветов[1]. Городской житель, привыкший обитать в современных каменных джунглях, вероятно, посчитал бы подобные условия очень трудными и не был бы растроган так, как Фэн Мин.

— Проснулся?

— Угу. — Князь открыл глаза, и монотонная интонация сменилась на удивление: — А?

Его Светлость лежал на широкой обнажённой груди Жун Тяня, ягодицами вверх, а лицом вниз, словно император Силэй являлся упругим, вполне объёмным матрасом.

Для человека, привыкшего спать на животе, подобная ситуация являлась бы пустяком, но...

— Почему я сплю так?

На что Жун Тянь со смехом задал встречный вопрос:

— Это ты меня спрашиваешь? — Чёрные блестящие глаза прищурились от улыбки, а широкая ладонь поглаживала подтянутые княжеские ягодицы. — Наверное, у тебя здесь болело вчера ночью, так или иначе ты уснул и, разговаривая во сне, перевернулся, устроившись на мне.

Фэн Мин с любопытством вновь поинтересовался:

— А что я говорил во сне?

Жун Тянь улыбнулся ещё привлекательнее:

— Снова и снова повторял лишь пару фраз, например «на этот раз настала очередь мне быть сверху, а тебе — снизу»...

Лишь часть фразы сорвалась с уст, а только что проснувшийся князь уже наполовину залился румянцем и, вытянув руки, дабы закрыть рот силэйскому государю, злобно вернул:

— Попользовавшись доступностью этого князя, утром снова подшучиваешь над ним. — И деланно закричал: — Эй, кто-нибудь! От моего имени возьмите этого типа, выволочите и задайте взбучку!

Кто бы мог подумать, что как раз в данный момент вернулся Жун Ху с обхода и, находясь за

дверью, услышал голос Его Светлости. Ошибочно предположив, что двое мужчин, проснувшись, говорят о важном деле, телохранитель Силэй немедленно поднял занавеску и вошёл в покои:

— Ваш подчинённый здесь, кого князь Мин хочет выволочь наружу и избить?

Стоило Жун Ху пройти несколько шагов вглубь, и ситуация в одночасье стала ясна. Силэйский телохранитель резко остановился.

Откуда князю было знать, что скоро явится Жун Ху?! Будучи в крепких объятиях императора Силэй, Фэн Мин, увидев, как Жун Ху входит в комнату, истошно закричал, отдернул руки, коими всё это время зажимал рот Жун Тяню, и, словно заяка, которому наступили на хвостик, «нырнул» под государев бок, пытаясь спрятать обнажённое тело за Его Величеством.

Жун Тянь с улыбкой смотрел на смущённый от того, что поймали на месте преступления, вид любимого феникса. Фэн Мин же, суетливо[2] схватив ватное одеяло, хаотично натянул его на себя, прячась с головой и больше напоминая живой комок белой бумаги. Жун Тянь всё так же с улыбкой обхватил этот кроткий комочек:

— Смотри-ка, ты всё ещё смеешь перед глазами этого императора вести себя разбалованно?

Немного поглумившись над князем, государь обратился к смущённому Жун Ху:

— У Фэн Мина на сегодня есть какие-нибудь планы?

Стоило Его Величеству «подкинуть» другую тему, и телохранитель немного расслабился и вновь доложил:

— Ранее Цин Чжан церемонно прислал князю Мину план развлечений и прогулок. Вот только вчера вечером был банкет, к тому же несколько дней назад пришлось добираться пешим ходом, потому успокойтесь, нет никаких планов и нет нужды куда-либо выходить.

Данный «план действий» совпадал с замыслами Жун Тяня, и, кивнув, государь Силэй сказал:

— Позволь Фэн Мину ещё немного поспать, за эти дни он слишком утомился. А эти скучные банкеты, на них не обязательно часто присутствовать. Можешь идти.

Дождавшись ухода Жун Ху, Фэн Мин, по-прежнему заливаясь румянцем, высунул голову из-под одеяла, но услышав, что силэйский государь хочет дать ему ещё немного отдохнуть, князь покачал головой со словами:

— Я хорошо поспал, но ты в очень плачевном состоянии, ведь я ночью лежал на твоей груди, навалившись всем весом, из-за чего ты наверняка плохо спал. Тебе нужно хорошенько

выспаться, а я пока поупражняюсь в каллиграфии. — Договорив, князь поднялся с кровати, облачился в нижнее платье и, взяв одеяло, помог Жун Тяню укрыться.

На что силэйский государь с изумлением решил уточнить:

— Ты же ненавидишь тренироваться в каллиграфии, разве нет?

— Ло Юнь сказал, что иероглифы молодого господина рода Сяо слишком некрасивые, после этого Моей Светлости стыдно показываться своим людям на глаза. Потому я пообещал ему, что при любой свободной минуте буду упражняться в каллиграфии. — Фэн Мин, пожав плечами, вновь состроил гримасу и похвастался: — Ло Юнь в сравнении с тобой сносный учитель, я вместе с ним тренировался в искусстве меча, и довольно прогрессивно, потом увидишь и поймёшь.

Пара фраз слетела с уст, вслед за этим на пороге выросли три служанки, у которых всё было готово для утреннего туалета. Увидев, что князь Мин поднялся и ловко упомянул про тренировку в каллиграфии, они громко начали расхваливать стремление Его Светлости, чем ещё больше обрадовали Фэн Мина. Переодевшись, князь и впрямь разостлал тонкий шёлк и достал кисть с тушечницей, а стоящая в стороне Цю Юэ помогла растереть тушь.

Но Жун Тяню, изначально желающему также подняться с постели, дабы составить компанию любимому фениксу, был отдан решительный приказ, так что Его Светлость спешно загнал его обратно под одеяло.

— Ты, тайно пробравшись во дворец прошлой ночью, плохо спал, так что скорей возвращайся в постель ради меня.

Силэйский государь за последнее время действительно ужасно устал, а из-за решительного вида Фэн Мина в глазах Его Величества появились мысли о чрезмерной любви, которую он, Жун Тянь, не мог сдержать, и, смягчившись и успокоившись в душе, несколько раз поцеловал любимого князя:

— Хорошо старайся, потом позовёшь, я посмотрю, и если действительно твоя каллиграфия улучшилась, приятно[3] награжу тебя. — И послушно вернулся в кровать.

Фэн Мин сказал со смехом:

— Помни, что пообещал награду, и не нужно съедать своё слово[4] чуть погодя. — После чего князь позвал Цю Син, чтобы помочь размять плечи Жун Тяня, дабы тот уснул ещё спокойнее.

Цю Лань зажгла в комнате успокаивающие благовония и направилась на кухню готовить пирожные и кушанья, которые у неё лучше всего получались, ожидая, когда государь и Его Светлость позже смогут вкушать их.

Небо постепенно светлело, а князь Мин больше не поднимал шума. Приятный весенний воздух с лёгкостью успокаивал.

Лёжа в постели, Жун Тянь молча наблюдал, как любимый феникс, облачённый в лёгкий чанпао[5], с серьёзным видом сидит за столом и, прямо держа спину, старательно выводит кистью иероглифы. Душу от такой картины охватило трепетное чувство любви, а на лице появилась улыбка.

Такой красивый стройный облик и изящность, проистекающие из самых недр души, не шли ни в какое сравнение с той неуклюжестью и глупостью, которые присутствовали при первой встрече в стенах императорского дворца Силэй.

Стоящая перед глазами картина казалась почти нереальной. Глядя на сосредоточенного князя, Жун Тянь почувствовал несказанное спокойствие, более того, напряжённые нервы и ноющие плечи, что медленно массировала Цю Син, неожиданно расслабились, веки налились свинцом, и глаза Его Величества закрылись.

Благодаря множественным указаниям наставников, Его Светлость добился кое-каких продвижений, и, теперь занимаясь каллиграфией, он больше не вёл себя легкомысленно, как это было раньше, наоборот, долгое время спокойно сидел, скользя кистью по шёлку. Всегда, когда его учил Жун Тянь, князь устраивал истерику и капризничал, однако крайне необычно, что Фэн Мин дал обещание Ло Юню и согласился добросовестно выполнять задания.

Вероятно, это из-за серьёзности Ло Юня, который проявлял сознательное недоверие к молодому господину Сяо, говоря: «Я не верю, что Вы можете целыми днями старательно заниматься», чем раздражил княжескую гордость, заставляя стать ещё лучше.

— Да, хорошо написал.

Склонённая над столиком Цю Юэ со смехом прошептала, вытянув шею, словно подглядывая:

— Иероглифы князя Мина с каждым разом становятся всё лучше и лучше, ещё спустя несколько месяцев, может быть, нагоните Жун Ху.

На что Фэн Мин уныло ответил:

— Ты меня расхваливаешь или ругаешь? Ты мне льстишь[6], ведь каллиграфия Жун Ху не идёт ни в какое сравнение с иероглифами Жун Тяня, разве я, нагнав Жун Ху, не стану худшим среди худших?

Цю Юэ немедля утешила.

Фэн Мин ещё сильнее разбрюзжался, хотя его иероглифы в сравнении с прежними выглядели

куда лучше, хо-хо, человеку надо лишь преодолеть себя, что уже хорошо. Немного потренировавшись, князь почувствовал некую растерянность в душе, а спокойствие и хладнокровие, которые и так являлись редкими гостями, тотчас же улетучились[7].

Его Светлость повернул голову, ища взглядом Жун Тяня, но, увидев, что он сладко заснул, приблизился, внимательно рассматривая, как сладко спит силэйский государь.

Как раз в этот момент Жун Тянь перевернулся на другой бок, одеяло соскользнуло с тела, обнажая голую упругую спину. Фэн Мин обомлел, но спустя мгновение на лице расплылась коварная улыбочка, Его Светлость спешно вернулся к столику и, взяв кисть, смочил тушью.

— Князь Мин?

— Тсс...

Цю Син, помассировав плечи, убрала руки от Жун Тяня и, подняв взгляд, увидела, как держащий обильно смоченную кисть Фэн Мин широким шагом подошёл к ним, намереваясь напакостить — это было заметно по лицу. Девушка уставилась на него, широко распахнув глаза:

— Князь Мин, что Вы собираетесь сделать?

Выпустив злобный смешок, Фэн Мин средний палец прижал к губам служанки, смыкая их, и, сдерживая смех, Его Светлость неторопливо начал водить по гладкой, сексуальной спине государя. Мягкий кончик кисти блуждал по крепкому телу, вскоре оставив три влажных слова «принадлежит[8] Фэн Мину».

Посмотрев на свой шедевр, Фэн Мин, не слыша земли под собой[9], отбросил кисть в сторону и, любуясь, непрерывно смеялся исподтишка, стоя у кровати.

Близняшки подошли и взглянули сначала с изумлением, а чуть позже не смогли удержаться и, закусив губы, тихо засмеялись, ухватившись за животы.

В данный момент так удачно появился Жун Ху. Приподняв занавеску, он увидел трёх смеющихся над чем-то забавным людей, вошёл и, лично узрев причину веселья, тотчас же широко распахнул глаза, собираясь подать голос, но его рот благополучно был крепко зажат Его Светлостью.

— Не нужно шуметь, Жун Тянь только что уснул, — изо всех сил заморгал Фэн Мин, морща нос и подавая знак телохранителю, тем самым категорически запрещая последнему что-либо докладывать государю.

Жун Ху честно сопротивлялся, долго, но потом вынужденно слегка опустил голову. Только

тогда Фэн Мин разжал ему рот и крайне плутовато проговорил со смехом:

— Ну как, мои навыки в каллиграфии улучшились? Смотри, в иероглифе «Фэн», с которого начинается «Фэн Мин», действительно чувствуется огромная мощь. Хи-хи, никогда не думал, что писать на теле будет так забавно.

На что Жун Ху подумал: «Когда государь обнаружит это, тогда действительно будет забавно». Вспомнив цель своего визита, телохранитель поменял тему, серьёзно доложив:

— Князь Мин, генерал Чжуан Пу просит об аудиенции.

— Чжуан Пу? — остолбенев, переспросил князь. — Он, придворный генерал, отбыл из столицы довольно давно и сейчас только вернулся, разве не должен он быть крайне занятым? Почему в свободное время ищет меня? И зачем он прибыл?

— А-а, на этот раз он привёл человека на аудиенцию. Тот человек хотел бы познакомиться с князем Мином, но являться самовольно с визитом посчитал слишком бесцеремонным, а узнав, что Чжуан Пу в хороших дружеских отношениях с князем Мином, попросил провести к Вам.

— И кто это?

— Этот человек достоин крепкой дружбы, — смеясь, ответил Жун Ху. — Именно о нём вчера вечером Ваша Светлость спрашивал Вашего подчинённого, а после выпили с ним чашечку вина в Вашу честь — Кай[10] Цянь.

— Оказывается, вот кто! — Фэн Мин никак не ожидал, что прибудет У Цянь, к которому он испытывал огромную симпатию, и, узнав о его приходе, крайне обрадовался и спешно приказал: — Цю Син, Цю Юэ, скорей помогите мне переодеться в официальное платье, я хочу встретить гостя. И ладно Чжуан Пу, он целыми днями говорит про военное искусство, а-а-а, и про книги о военном искусстве, а-а-а, да так, что у меня сердце дрожит от страха. А вот У Цянь, этот человек неплохой, с первого взгляда видно, что он незаурядный. Да, кстати, вы, две сестры, не хотите вместе со мной пойти и поглядеть на него? Очень жаль, что вас не было на вчерашнем вечернем банкете, где этот редкой красоты мужчина сильно выделялся своими превосходными манерами и обликом среди всей присутствующей там знати Тун.

Цю Син, опустив голову, помогла Его Светлости прикрепить к поясу украшения и, услышав слова Фэн Мина, покашляла, с усмешкой говоря:

— Князю Мину не стоит тащить с собой Цю Юэ, теперь она на мужчин, какими бы они красавцами ни были, даже внимания не обратит.

— Э?

— В её глаза-ах только тот... Ай-яй! — внезапно вскрикнула Цю Син и слегка разругалась: — Цю Юэ, скверная девчонка, исподтишка до боли ущипнула меня за руку.

На что близняшка захихикала:

— Если бы не подшучивала надо мной, то стала бы я тебя щипать? Значит, князь Мин прав, говоря, что сама себя погубишь[11].

Сёстры долгое время тарасились друг на друга, однако по-прежнему ловкие руки помогли привести князя в надлежащий прекрасный вид, после чего девушки вручили Его Светлость Жун Ху, который вывел его к гостям.

Следует отметить, что Цин Чжан к Фэн Мину относился поистине замечательно. Он не только выделил князю свою резиденцию, окружённую потрясающим пейзажем и таким же красивым садиком, но наряду с этим ещё и щедро уступил большую гостиную, которая находилась сбоку и использовалась для встреч гостей.

Подобный жест от занимающего ключевое[12] положение в стране Тун бледного на лицо и порочного правителя можно было расценивать как крайне искреннее и высокое отношение к гостю. Необходимо было знать, что в эту строго сословную эпоху категорически запрещалось переступать границы, а поскольку Цин Чжан являлся тунской знатью, то попасть в резиденцию Хэцин являлось не такой уж простой задачей.

Узнав о малознакомом госте, Фэн Мин, конечно же, вышел в сопровождении Ло Юня. Чжуан Пу вместе с У Цянем пили чай, ожидая в боковой гостиной, и, увидев князя, который в приподнятом настроении вошёл в комнату в сопровождении двух идущих сзади охранников — Жун Ху и Ло Юня, немедленно поднялись, дабы поприветствовать хоу [13].

Обменявшись с гостями парочкой вежливых слов, Его Светлость пригласил их присесть, а после приказал служанкам подать разных сладостей и обслужить господ. Из-за вчерашнего необдуманного выступления касательно равной милости, в которое вмешался У Цянь, отважившийся при всей тунской знати чествовать его, Фэн Мина, вином в знак поддержки, сам князь проявил куда больший интерес к Кай Цяню, чем к Чжуан Пу.

Отвечая о цели прибытия, У Цянь беззаботно улыбался:

— Скажу крайне необычно, но, услышав слова молодого господина Сяо, я всё-таки той ночью не смог уснуть, в голове непрерывно вертелись слова о жизни и равноправии, о ненужном различии между высшим и низшим рангами. Поэтому, не дожидаясь рассвета, не выдержал и тотчас же, поднявшись с кровати, отправился стучаться в большие ворота генерала Пу. Попросил его взять меня с собой на встречу с молодым господином Сяо. — Внезапно мужчина с небольшой неловкостью прошептал: — На самом деле, лично увидевшись с молодым господином Сяо, я, в свою очередь, не знаю, о чём нужно говорить.

Подобное откровение и прямотушие со стороны У Цяня заставило Фэн Мина на мгновение

переглянуться с Чжуан Пу, после чего, не сговариваясь, они разразились смехом.

Наверное, из-за пережитого сражения, разгоревшегося на реке Оман, Чжуан Пу сейчас воспринимал князя как «соратника по оружию» и относился более дружелюбно, чем раньше, потому, отсмеявшись, с тяжёлым вздохом обратился к Его Светлости:

— Не только У Цянь, на самом деле этот придворный генерал, наслушавшись прошлым вечером речью молодого господина Сяо, тоже ночью страдал бессонницей, только вот думал не о каких-либо разделениях между рангами, а о методе отбора, к которому прибег силэйский государь Жун Тянь.

Фэн Мин, промычав, кивнул, в душе запоминая, словно взяв на заметку. Чжуан Пу называл Жун Тяня силэйским государем, очевидно, что к Тун-эру, этому лже-правителю, генерал проявляет крайнюю холодность. Это небольшое расположение придворного генерала, в чьих руках таилась боевая мощь Тун, в будущем, возможно, могло отчасти поспособствовать силэйскому государю.

Не важно, хотел признавать князь или нет, но без Жун Тяня под боком ему, Фэн Мину, действительно удавалось куда больше пораскинуть мозгами, к тому же изо всех сил сосредотачиваться на выполнении какого-либо дела и думать тщательнее, нежели когда правитель находился рядом.

— Хорошие генералы на самом деле являются крайней редкостью. — Как и ожидалось, стоило Чжуан Пу открыть рот, как тотчас же поднялась военная тема.

На этот раз, даже поднимись тема о делах Силэй, да и равной милости, княжеского терпения всё это слушать не хватило бы.

Чжуан Пу со вздохом сказал:

— Молодой господин Сяо прав, на самом деле среди простых рядовых солдат есть действительно много храбрых, одарённых талантом полководца людей, однако из-за низкого происхождения государство не допускает их на генеральскую позицию, вопреки этому, множество серьёзных постов в армии занято с детства избалованными отпрысками знатных семей. Я в армии много лет и своими глазами повидал на незаслуженно проигранные битвы, в которых генералы из-за недостатка сил проигрывали сражения. Ах, сколько попусту потраченных жизней тунских солдат унесли такие войны.

Протянув «угу-у», Фэн Мин слегка кивнул и внезапно спросил:

— Раз уж генерал Чжуан знаком с подобным, так почему же не предложил государю или царствующему дядюшке Тун внести изменения в систему?

На что мужчина, горько улыбаясь, ответил:

— Подобные перемены несут огромную опасность, а вся знать посчитает меня могущественным врагом. Тем более, при помощи таланта и силы духа, которыми обладает силэйский государь, не получится изменить обстановку внутри страны, тем самым создавая положение подобно тому, что творится... — остальное предложение не обязательно было договаривать.

Гостиная погрузилась в глубокое молчание.

У Цянь, похоже, уже некогда изучал данный вопрос, потому спустя минуту спокойно открыл рот:

— На самом деле среди одиннадцати государств лишь Дунфань очень хорошо понимает в деле воспитания талантливых полководцев.

— А? — заморгал Фэн Мин. — Дунфань?

Он довольно близко познакомился с Дунфань, вот только Его Светлость никоим образом не видел множества талантливых полководцев, которых, как сказали, взрастил Дунфань. Хоть Лу Дань являлся потрясающим человеком, но разве мог считаться генералом?

На что У Цянь пояснил:

— Командование Дунфань в большинстве своём происходило из семей военных. Генеральский чин передаётся из поколения в поколение, почти полностью держа контроль над военной мощью страны, более того, полководцы и знания о том, как контролировать войска, передают таким же образом, и важность выбора командования особенно понимали. Поэтому они внедрили метод отбора, который был подобен указу «О равной милости».

Фэн Мин вновь удивился:

— Правда? — Он, князь, всё ещё ошибочно полагал, что равная милость для отбора чиновников в нынешнем периоде являлась новшеством. А, оказывается, Дунфань тоже обладает такими талантами.

Здесь в разговор вмешался Чжуан Пу, сказав со смехом:

— Конечно, каким бы могущественным ни являлся полководческий род, он не смел противостоять дунфаньской знати, потому они в отборе, полагаясь на реальную мощь будущих генералов-простолюдинов и знатных генералов, где чин передавался из поколения в поколение, прибегали к компромиссному решению.

— У них также имеется компромисс? — нахмутив брови, спросил Фэн Мин. — Неужели половина — это знать, а половина являлась выбранными исходя из талантов людьми?

— Хе-хе, оказывается, даже молодой господин Сяо не догадался обо всём, нетрудно заметить, Дунфань уже давно предоставил военный указ, благодаря которому появляется действительно способный военачальник.

В глазах У Цяня появилась шелковинка почтения:

— Они прежде всего из всей армии отбирают превосходного генерала, не важно, низкое происхождение или нет, достаточно обладать способностями, и тогда немедля солдат займёт место приближённого охранника. А после проверки, длящейся некоторое время, если у этого генерала обнаружится ещё талант, он официально меняет свою фамилию на Цзюнь[14] и входит в двери генеральского рода. Поменяв фамилию на Вэй[15], в будущем боец может занять более высокий пост, чем звание простого рядового солдата, а также у него появится больше возможностей получить должностное повышение.

— Это тоже можно посчитать одним из способов, — немного подумав, отозвался Фэн Мин, — но таким образом изменив имя, слишком долго не получится скрываться. Повышение в должности — неплохо, едва ли просто будет достичь звания генерала.

— Конечно, всё не так просто. Однако если солдат низкого происхождения станет талантливым генералом, род полководца предпримет решительные меры, сделав бойца частью своей семьи, и позволит ему войти в круг знати.

Фэн Мин растерянно уставился на У Цяня, который со смехом прервал молчание:

— Иными словами, это называется «отдать дочь из военного рода за него замуж». Если соединиться с военным родом узами брака[16], тотчас же можно из простолюдина превратиться в знатную персону. Таким образом, вопрос о положении немедля решается.

Князь неожиданно прозрел:

— Вот значит как.

Неудивительно, что в те годы Цзюнь Тин была окружена огромной приближённой охраной, в которой почти все носили имя Цзюнь, а кто-то из военных другие имена — вероятнее всего, множество солдат сменили их. Но именно поэтому военный род, обладая такими талантливыми и изящными стратегиями, держал контроль над армией Дунфань и сохранял порядок, подобно солнцу в зените[17], к тому же постепенно растущая семья увеличивала население.

Но чувства в таких семьях, которые в желании попутно собрать способное командование без формальностей выдавали дочь замуж, по большей части глубины не имели. Если вспомнить

Цзюнь Тин и её постоянно каменное лицо, да ещё раздражительный характер и то, что она желала целыми днями пороть несколько десятков солдат плетью, тогда сразу можно понять, что ей с детства, несомненно, не хватало семейного тепла.

Фэн Мин шумно вздохнул. Чжуан Пу ошибочно подумал, что князь вздыхает из-за сохранения талантливых полководцев, однако Небеса оставили Дунфань, потому разгорелось то ужасное бедствие, унёсшее множество лучших дунфаньских военачальников.

Фэн Мин в душе вздрогнул. Эта разгоревшаяся чума[18] являлась делом рук его, князя, и Жун Тяня, погибло действительно немало дунфаньских солдат и генералов, до сегодняшнего дня множество людей по-прежнему ошибочно считали, что это воля Небес, так как не могли себе вообразить, что здесь был задействован человеческий фактор.

Примечания:

[1] 鸟语花香 (niǎoyǔ huāxiāng) — няюйхуасян — «птицы щебечут и цветы благоухают» — обр. в знач.: наступила весна; прекрасная природа весны.

[2] 手忙脚乱 (shǒumáng jiǎoluàn) — шоуман цзяолуань — «руки заняты и ноги путаются» — обр. в знач.: действовать бессистемно, суетиться, торопиться.

[3] 宝贝 (hǎodōngxi) — хао дунси — ценность; драгоценность; сокровище; приятные мелочи.

[4] Обр.: обмануть доверие; нарушить своё обещание; отказываться от своих слов.

[5] Длинный китайский мужской халат.

[6] 拍马 (pāimǎ) — пайма — «бить коня», происходит от фразы 拍马屁 (pāimǎpì) — паймапи — букв. «хлопать коня по крупу», обр.: подлизываться, подхалимничать, льстить. Выражение берёт своё начало со времён правления династии Юань, когда монголы, часто передвигающиеся на конях, при встрече друг с другом имели обычай похлопывать другую лошадь по задку, если видели, что животное крепкое и здоровое, приговаривая при этом «хорошая лошадь», тем самым вызывая благосклонность её хозяина. Однако некоторые монголы восхищались конём из вежливости, независимо от того, какая на самом деле была лошадь, дабы вызвать удовольствие хозяина. С тех пор выражение «паймапи» приобрело значение «льстить, угождать, заискивать».

[7] Полная фраза звучит как «без крыльев, а улетело», обр. в знач.: пропасть бесследно; будто в воду кануть.

[8] 所属 (suǒyǒu) — сою — можно перевести ещё как «владеть\собственность\имущество».

[9] 得意洋洋 (déyì yángyáng) — дэиянян — букв.: ног (земли) под собой не слышать; обр.: сиять от удовольствия; торжествовать, иметь самодовольный вид.

[10] В оригинале его зовут как «Кай», так и «У».

[11] 自取灭亡 (zì zuò niè bù kě huó) — цзыцзоне букэ хо — не мочь избавиться от беды, которую сам на себя навлек; увязнуть в собственных пороках; самому себя погубить; расплачиваться за собственные грехи.

[12] 举足轻重 (jǔzú qīngzhòng) — цзюйцзу цинчжун — играть решающую роль.

[13] 侯 (hóu) — хоу — второй из пяти рангов шанской (侯) и чжоуской (侯) аристократии (всего есть пять степеней знатности: гун, хоу, бо, цзы, нань); также: феодал; удельный князь; господин.

[14] 傅 (fù) — фамилию можно перевести как «войско»; «бой»; «война».

[15] 傅 (fù) — фамилию можно перевести как «дворцовая стража».

[16] 媿 (liányīn) — лянйинь — установление связи между семьями благодаря заключению брака.

[17] 日中 (rì zhōng tiān) — жу жи чжун тянь — «как солнце в зените», обр. в знач.: в полном расцвете.

[18] 瘟疫 (wēnyì) — вэньи — бедствие, чума, поветрие, мор, зараза.

<http://bllate.org/book/13377/1190252>